Быть больным

Вирджиния Вулф

Быть больным. Записки из комнат больных

Джулия Стивен, Вирджиния Вулф

Аннотация
Вирджиния Вулф. Быть больным. Джулия Стивен. Записки из комнат больных
Вирджиния Вулф. Быть больным
Джулия Стивен. Записки из комнат больных
- Введение
- Дар сиделки
- Ложь
- Крошки
- Постель
- Пеленка
- Носовые платки
- Мытье
- Принятие ванны
- Волосы
- Воздух
- Освещение
- Капризы
- Визиты
- Шумы
- Кормление

Одевание
Приготовление еды
Пища
Лечебные средства
Нервы
Заключение
Послесловие переводчицы
Список литературы

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ
ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В эссе «Быть больным» (1926) Вирджиния Вулф затрагивает вопрос: почему болезням – повседневному и неотъемлемому явлению человеческой жизни – посвящено непростительно мало текстов? По мнению писательницы, которая сама немало страдала от телесных недугов, вынужденно оторванному от привычного мира и прикованному к кровати человеку открывается совершенно иное видение вещей. Для Вулф болезнь – это трамплин, позволяющий вырваться за пределы расхожих истин, «радушного обмана» общества и начать воспринимать мир вне норм, как бы изнутри себя. В своем взгляде на болезнь она расходится с матерью Джулией Стивен, опытной сиделкой и автором прак-

тического руководства «Записки из комнат больных» (1883). Оба текста впервые публикуются на русском языке и знакомят читателя с двумя разными способами письма о болезни от двух непохожих друг на друга женщин.

Вирджиния Вулф
Быть больным
Джулия Стивен
Записки из комнат больных

Virginia Woolf. On Being Ill
Julia Stephen. Notes From Sick Rooms
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Вирджиния Вулф
Быть больным

Учитывая, насколько обыденна болезнь, какие колоссальные духовные перемены она влечет за собой, какие удивительные безвестные края открываются, когда гаснут огни здоровья, какие пустыни и пустоши души обнажает легкий приступ гриппа, какие обрывы и лужайки, усыпанные яркими цветами, выявляет небольшой подъем температуры, какие древние зачерствевшие дубы выкорчевывает из нас немощь, как мы погружаемся в бездну смерти и ощущаем, что воды уничтожения смыкаются над головой, и, когда нам вырывают зуб, просыпаемся, думая, что нас окружают ангелы и арфисты, и выныриваем на поверхность в кресле дантиста, и принимаем его «прополощите рот, прополощите рот» за приветствие Божества, сошедшего с небес на землю нам навстречу, — когда мы об этом думаем (а нам часто приходится об этом думать), кажется весьма странным, что болезнь не встала наравне с любовью, войной и ревностью в ряд главных тем литературы. Можно было бы вообразить, что

гриппу посвящаются романы, тифу — эпические поэмы, пневмонии — оды, зубной боли — стихи. Но нет; за редкими исключениями — Де Квинси попробовал сделать нечто в этом роде в «Любителе опиума»[1], а на страницах Пруста наверняка наберется болезней на том-другой — литература всячески демонстрирует, что ее заботит лишь разум; что тело — это лист прозрачного стекла, сквозь которое прямо и ясно смотрит душа и которое, за исключением пары страстей вроде вожделения и алчности, само по себе ничтожно, незначительно и несущественно. На самом же деле всё наоборот. Днями и ночами тело во всё вторгается; слабеет или набирается сил, краснеет или бледнеет, становится воском в июньскую жару, застывает салом в февральском мраке. Создание внутри может только смотреть сквозь окошко — чистое или заляпанное; не может ни на миг отделиться от тела, как нож от ножен или горошина от стручка; вынуждено проходить через нескончаемую череду перемен, жару и мороз, удобство и неудобство, голод и сытость, здоровье и болезнь, прежде чем наступит неизбежная

[1] Примечания: 1

Полное название книги — «Исповедь англичанина, любителя опиума». — Здесь и далее астерисками обозначены примечания переводчика, а цифрами — примечания автора.

катастрофа; тело рассыплется в прах, а душа (как говорят) освободится. Но об этих ежедневных телесных драмах нет ни строчки. Люди всегда пишут о делах разума; мыслях, его посетивших; благородных устремлениях; о том, как разум цивилизовал вселенную. Они показывают это, пренебрегая телом в башне философа; или же гоняют тело, как старый мяч из кожи, по снегам и пескам в погоне за победами или открытиями. Те великие битвы, которые тело вместе с подчиненным ему разумом ведет в уединении спальни против натиска лихорадки или наступления меланхолии, остаются незамеченными. Причину найти нетрудно. Чтобы прямо взглянуть на эти вещи, требуется смелость укротителя львов, жизнестойкая философия, разум, укорененный в недрах земли. Если же перечисленного нет, то этот монстр, тело, это чудо, его боль вскоре вынудят нас погрузиться в мистицизм или воспарить, быстро взмахивая крыльями, в экстаз трансцендентализма. Читатели скажут, что роману о гриппе недостает сюжета; будут жаловаться, что там совсем нет любви, — и будут неправы, ведь болезнь часто принимает обличье любви и выкидывает такие же странные фокусы. Она наделяет некоторые лица божественностью, заставляет

нас час за часом дожидаться, навострив уши, скрипа ступени и облекает новой значимостью лица отсутствующих (совсем обыкновенные, когда ты здоров, небо тому свидетель), а разум сочиняет о них тысячи легенд и поэм, на которые в здоровом состоянии нет ни времени, ни желания. Наконец, описанию болезни в литературе мешает бедность языка. Английский способен выразить мысли Гамлета и трагедию Лира, но в нем нет слов для озноба или головной боли. Он разросся в одном направлении. Самая обыкновенная школьница, когда влюбляется, может говорить словами Шекспира и Китса; но если страдалец попробует описать доктору свою головную боль, то язык немедленно иссякнет. Наготове у него ничего нет. Он вынужден самостоятельно создавать слова и, взяв в одну руку свою боль, а в другую — ком чистого звука (как, вероятно, в самом начале и делали жители Вавилона), так ударять одно о другое, чтобы выпадало совершенно новое слово. Вероятно, получится нечто смехотворное. Ведь кто из рожденных в Англии может вольничать с языком? Для нас это некая святыня, и поэтому она обречена на гибель, если только американцы — чей гений гораздо счастливее в создании новых слов, чем в распоряжении старыми, — не

придут нам на помощь и не пробудят новые родники. Но нам нужен не только новый язык — более примитивный, более чувственный, более бесстыдный, — но и новая иерархия страстей; любовь должна уступить место температуре под сорок; ревность — приступу ишиаса; бессонница будет играть роль главного злодея, а героем станет белая жидкость со сладковатым вкусом, этот могучий принц с мотыльковыми глазами и оперенными ногами, одно из имен которого — Хлорал[2].

Вернемся к больному. «Я лежу с гриппом», — но что это сообщает о великом опыте; о том, как мир изменил очертания; все дела стали так незначительны; звуки праздника сделались романтичными, как музыка, которая доносится с карусели где-то за полями; и друзья переменились, одни обрели необыкновенную красоту, другие обезобразились до жабьей приземистости, а весь пейзаж жизни стал далек и прекрасен, словно берег, увиденный с корабля в открытом море, и вот больной взмывает ввысь, не нуждаясь ни в чьей помощи — ни человека, ни Бога, а вот уже корчится на полу, радуясь тычку гор-

[2] Примечания: 2
Хлорал (хлоральдигидрат) — успокоительное и снотворное.

ничной, — этот опыт невозможно передать, и, как всегда бывает с подобными глупостями, его страдания лишь пробуждают в памяти друзей воспоминания об их приступах гриппа, их болях и недугах, которые остались неоплаканными в прошлом феврале, а теперь отчаянно, неотступно взывают о божественном облегчении в виде сочувствия.

Но сочувствия нам быть не может. Премудрая Судьба отказывает в нем. Если ее дети, и без того отягощенные скорбями, взвалили бы на себя еще и это бремя, прибавив в воображении чужие страдания к собственным, то здания перестали бы возводиться; дороги заросли бы травой; пришел бы конец музыке и живописи; лишь один великий вздох возносился бы к небесам, а мужчины и женщины застыли бы в позах, выражающих ужас и отчаяние. Но пока всегда найдется, на что ненадолго переключиться, — шарманщик на углу больницы, магазин с книгой или безделушкой, который отвлечет внимание от тюрьмы или работного дома, некая абсурдность кошки или собаки, которая не даст превратить иероглифы несчастий старого бедняка в фолианты мрачных страданий; и поэтому многочисленные попытки проявить сочувствие, которого ждут от нас ба-

раки боли и наказаний, эти засохшие символы горя, со смущением откладываются до следующего раза. Сочувствие в наши дни выражают по большей части бездельники и неудачники, в основном женщины (в которых старомодность, как ни странно, уживается с анархией и новаторством), выбывшие из гонки и имеющие время на фантастические и неприбыльные эксперименты; К. Л., к примеру, сидя у чахлого больничного огня, сдержанными и в то же время выразительными штрихами рисует каминный экран, буханку хлеба, лампу, уличную шарманку и все повести старых женщин о происшествиях и передниках[3]; безрассудная, великодушная А. Р., которая, если вам захочется утешиться обществом гигантской черепахи или порадовать себя теорбой, перероет все лондонские рынки и умудрится к вечеру доставить вам всё это, завернув в бумагу; легкомысленная К. Т., наряженная в шелка и перья, напудренная и накрашенная (что тоже требует времени), словно на пир королей и королев, растрачивает весь свой блеск в сумраке больничной палаты, сплетнями и пародиями заставляя склянки звенеть, а пламя — разгораться.

---

[3] Примечания: 3

Отсылка к роману Арнольда Беннета «Повесть о старых женщинах».

Но времена таких глупостей прошли, цивилизация указывает на иную цель, и будет ли в ней место черепахе и теорбе?

Признаемся (ведь болезнь — самое время для признаний), в болезни есть детская непосредственность; произносятся слова, выпаливаются истины, которые скрывает осторожная благопристойность здоровья. К примеру, о сочувствии — мы можем обойтись без него. Эта иллюзия мира, устроенного так, что каждый стон в нем отдается эхом, людей, так тесно связанных общими нуждами и страхами, что дернешь за одно запястье — дрогнет и другое, мира, где, каким бы странным ни был твой опыт, другие тоже его переживали, где, как бы далеко ты ни отправился в воображении, кто-то уже побывал там до тебя, — всё это иллюзия. Мы не знаем собственной души, что уж говорить о чужих душах. Люди не проходят рука об руку весь путь. В каждом есть девственный лес; заснеженное поле, которому неведом даже след птичьей лапки. Мы идем одни, и это нам по нраву. Было бы невыносимо всегда встречать сочувствие, всегда быть в сопровождении, всегда видеть понимание. Но здоровым нужно поддерживать радушный обман и стараться вновь и вновь — общаться, просвещать,

делиться, возделывать пустыню, воспитывать туземцев, работать вместе днем и веселиться ночью. Болезнь кладет конец этому притворству. Немедленно потребовав постель или глубоко погрузившись в подушки кресла, мы отрываем ноги хотя бы на дюйм от пола и отказываемся быть солдатами армии прямостоящих; мы становимся дезертирами. Они маршируют на бой. Мы плывем с ветками по течению; в хаосе опавших листьев на лужайке мы, безответственные и равнодушные, способны, быть может, впервые за долгие годы посмотреть вокруг, посмотреть вверх — посмотреть, например, на небо.

Первое впечатление от этого необыкновенного зрелища на удивление ошеломительно. Обычно подолгу смотреть на небо невозможно. Человек, глазеющий на небо, будет мешать прохожим и раздражать их. Кусочки неба, которые мы замечаем, испорчены дымоходами и церквями, служат фоном для человека, означают промозглую погоду или ясную, малюют золотым на окнах и, заполняя промежутки между ветвями, довершают меланхолию растрепанных осенних платанов в осенних скверах. Теперь же, распростершись, глядя вверх, обнаруживаешь, что небо — нечто совсем другое, и это открытие потрясает.

Так вот что происходило всё это время, а мы и не знали! — так беспрестанно создаются и разрушаются формы, так скучиваются облака, так тянутся громадные составы кораблей и поездов с севера на юг, так беспрестанно поднимаются и опускаются занавесы света и тени, так ведутся нескончаемые эксперименты с золотыми лучами и синими тенями, и солнце то затмевается, то открывается, и создаются каменные крепости, и уносятся ветром прочь — бесконечное действо, на которое тратится бог весть сколько миллионов лошадиных сил, разворачивается само по себе из года в год. Это обстоятельство, похоже, требует порицания или даже цензуры. Может, кто-то сообщит в The Times? Нужно же извлечь из этого хоть какую-то пользу. Нельзя допустить, чтобы этот гигантский фильм бесконечно показывался в пустом зале. Но посмотрите чуть дольше, и иное чувство вытеснит зарождающийся гражданский пыл. Божественно прекрасное — это и божественно бездушное. Несметные ресурсы расходуются с некоей целью, которая не имеет никакого отношения к человеческому удовольствию или человеческой выгоде. Даже если мы будем лежать ничком, застыв, небо всё равно будет экспериментировать со своей синевой и своим золотом.

Тогда, быть может, если мы посмотрим вниз на что-то очень маленькое, близкое, знакомое, то найдем сочувствие. Давайте вглядимся в розу. Мы столько раз видели ее в вазе, распустившуюся, так часто связывали ее с красотой в самом расцвете, что позабыли, как она стоит целый день в земле, неподвижная и непоколебимая. Она держится с совершенным достоинством и самообладанием. Краска ее лепестков бесподобно чистая. Сейчас один из них, возможно, неспешно падает; а вот и все цветы, чувственно пурпурные, кремовые, в чьей восковой плоти ложка оставила завиток цвета вишневого сока, гладиолусы; далии; лилии, церковные, культовые; цветы с простыми картонными воротничками оттенка абрикоса и янтаря — все нежно склоняют головы на ветру, все за исключением тяжелого подсолнуха, который гордо отдает должное солнцу в полдень и, быть может, в полночь дает отповедь луне. Вот они стоят, и именно их, самых спокойных, самых самодостаточных на свете, люди сделали своими спутниками; это они символизируют их страсти, украшают праздники и лежат (как будто сами познали горе) на подушках покойников. Удивительное дело, поэты усмотрели религию в природе; и люди живут в сельской местности,

чтобы учиться благочестию у растений. В их безразличии они находят успокоение. Ту снежную равнину разума, куда не ступала нога человека, навещает облако, целует падающий лепесток; так и в другой сфере величайшие творцы, Мильтоны и Поупы, утешают не своими мыслями о нас, а своим пренебрежением.

Тем временем, как бы ни было равнодушно небо и как бы ни были презрительны цветы, с героизмом муравьев или пчел армия прямостоящих марширует на бой. Миссис Джонс поспевает на поезд. Мистер Смит чинит автомобиль. Коров гонят домой на дойку. Мужчины кроют крышу соломой. Собаки лают. Грачи, поднявшись сетью, опускаются сетью на вязы. Волна жизни вздымается неутомимо. И только лежачие знают то, что Природа на самом деле и не трудится скрывать: в конце концов она победит; тепло покинет мир; окоченев, мы перестанем тащиться по полям; лед скует фабрику и двигатель; солнце погаснет. И даже когда земля укроется и сделается скользкой, некая волнистость, некая неровность поверхности обозначит границу древнего сада, и там, бесстрашно вскинув головку в свете звезд, будет цвести роза, будет пламенеть крокус. Но пока мы у жизни на крючке, приходится трепыхаться. Мы

не можем мирно застыть и превратиться в неподвижные курганы. Даже лежачие вскакивают при одной лишь мысли, что мороз пробирается к пальцам ног, и вытягиваются, чтобы воспользоваться всеобщей надеждой — Раем, Бессмертием. Разумеется, коль скоро люди все эти столетия мечтали, они не могли не привнести что-то в реальность своими мечтами; будет некий зеленый остров для отдохновения ума, пусть даже невозможно ступить туда ногой. Общее воображение человечества должно было начертить некий отчетливый контур. Но нет. Открываешь The Morning Post и читаешь, что написал о Небесах епископ Личфилдский. Смотришь, как прихожане идут чередой в величавые храмы, где в самый мрачный день, в самых сырых полях, будут гореть лампады, будут звонить колокола, и, как бы снаружи ни шелестели осенние листья и как бы ни вздыхали ветра, внутри надежды и мечты превратятся в веру и уверенность. Выглядят ли прихожане умиротворенными? Полны ли их глаза светом высшей убежденности? Осмелится ли кто-нибудь из них прыгнуть с Бичи-Хед[4] прямиком в Рай? Только глупец будет задавать

[4] Примечания: 4

Бичи-Хед — меловая скала в Восточном Суссексе, печально известная тем, что многие лишали себя жизни, прыгнув с нее в океан.

такие вопросы; а маленькая группа верующих идет, и бредет, и отстает. Мать изнурена, отец устал. Воображать Рай? Им не до того. Создание Рая следует оставить воображению поэтов. Без них мы можем лишь дурачиться — представлять Пипса на Небесах, намечать короткие беседы со знаменитыми людьми о пучках тимьяна, предаваться сплетням о тех наших друзьях, которые остались в Аду, или, того хуже, возвращаться на землю и делать выбор, ведь в выборе нет никакого вреда, чтобы жить вновь и вновь, то мужчиной, то женщиной, капитаном, придворной дамой, императором, женой фермера, в великолепных городах и в отдаленных топях, во времена Перикла, Артура, Карла Великого или Георга IV — жить и жить, покуда не проживем все те зачаточные жизни, которые возникают у нас в юности, пока их не подавит «Я». Но не должно «Я», если оно способно меняться по желанию, захватывать еще и Рай и обрекать нас, отыгравших на земле свои роли как Уильям или Элис, оставаться Уильямом или Элис навеки. Сами по себе мы размышляем плотски. За нас должны воображать поэты. Долг создания Рая должен быть возложен на Поэта-лауреата.

К поэтам мы и обращаемся. Болезнь отбивает у

нас охоту к долгим кампаниям, которых требует проза. Мы не можем управлять всеми своими способностями, держать в напряжении разум, здравый смысл и память, пока одна глава качается над другой, и, когда она водворяется на свое место, нам следует готовиться к появлению следующей, и так до тех пор, пока вся конструкция — арки, башни и зубчатые стены — не встанет прочно на основание. «История упадка и разрушения Римской империи» — книга не для гриппа, как и «Золотая чаша»[5] или «Мадам Бовари». Впрочем, когда ответственность отброшена и работа разума приостановлена (ибо кто будет требовать критических замечаний от больного, здравого смысла — от прикованного к постели?), в свои права вступают другие вкусы: внезапные, порывистые, напряженные. Мы крадем у поэтов их цветы. Мы обрываем одну-две строки и даем им раскрыться в глубине сознания:

and oft at eve
Visits

---

[5] Примечания: 5
«Золотая чаша» — роман Генри Джеймса.

the herds along the twilight meadows[6]

wandering in thick flocks along the mountains

Shepherded by the slow unwilling wind[7].

А то и обнаруживаем целый трехтомный роман в стихе Харди или во фразе Лабрюйера. Ныряем в письма Лэма — некоторых прозаиков стоит читать как поэтов — и находим: «Я кровожадный убийца времени и мало-помалу убил бы его прямо сейчас. Но змей живуч». И кто объяснит этот восторг? Или откройте Рембо и прочтите:

O saisons o châteaux

Quelle âme est sans défauts?[8]

И кто даст рациональное объяснение этому очарованию? В болезни слова как будто обладают мистическим свойством. Мы постигаем то, что находится за поверхностным смыслом, инстинк-

---

[6] Примечания: 6

Строки из пьесы Джона Мильтона «Космос»: «…участлива, выходит // С закатом на прибрежные луга» (перевод Ю. Корнеева).

[7] Примечания: 7

Строки из драмы в стихах Перси Биши Шелли «Освобожденный Прометей»: «…по горным склонам // Чуть шли стада рунообразных туч» (перевод К. Бальмонта).

[8] Примечания: 8

Строки из стихотворения Артюра Рембо: «О замки, о смена времен! Недостатков кто не лишен?» (перевод М. Кудинова).

тивно собираем одно, другое, третье — звук, цвет, тут ударение, там паузу — то, что поэт, который знает, как скудны слова по сравнению с мыслями, разбросал по странице, чтобы всё вместе это вызвало состояние души, не поддающееся ни выражению словами, ни объяснению рассудком. Непостижимость имеет огромную власть над нами в болезни — возможно, более законную, чем сочтет прямостоящий. Когда ты здоров, смысл вторгается в звук. Наш разум преобладает над чувствами. Но в болезни, когда полиция не дежурит, мы заползаем под какое-нибудь малоизвестное стихотворение Малларме или Донна, под какую-нибудь фразу на латыни или греческом, и слова источают свой аромат и раскрывают свой вкус, а потом, если мы наконец постигаем смысл, он оказывается богаче оттого, что сперва пришел к нам чувственно, через нёбо и ноздри, словно некий причудливый запах. Иностранцы, которым чужд наш язык, имеют перед нами преимущество. Китайцы, вероятно, знают звучание «Антония и Клеопатры» лучше нас.

Безрассудство — одно из свойств болезни, когда мы вне общего закона, и именно безрассудство необходимо нам для чтения Шекспира. Это не значит, что нам нужно клевать носом за чтением;

это значит, что, когда наше сознание пребывает в полной ясности, эта слава смущает и утомляет и все воззрения всех критиков заглушают в нас гром убежденности; если она и иллюзия, то какая же полезная иллюзия, какое же потрясающее удовольствие, какой же мощный стимул к чтению великих. Шекспир плесневеет; патерналистское правительство может запретить писать о нем, подобно тому как поставило его памятник в Стратфорде вне досягаемости марающих бумагу пальцев[9]. При всем этом литературоведческом гуле вокруг можно наедине с собой высказать догадку, сделать пометку на полях; но, когда знаешь, что кто-то сказал это раньше или сказал это лучше, пыл угасает. Болезнь в своем царственном величии отметает всё в сторону и оставляет лишь Шекспира и тебя. Благодаря его непомерной мощи и нашей непомерной самонадеянности преграды рушатся, узлы развязываются, в мозгу звучат и откликаются Лир или Макбет, и даже сам Кольридж пищит, как мышь под полом.

Но довольно о Шекспире — давайте обратимся

---

[9] Примечания: 9

Вероятно, Вирджиния Вулф говорит о надгробном памятнике Шекспиру в церкви Святой Троицы: в правой руке скульптуры — гусиное перо, которое не раз воровали, так что приходилось заменять его новым.

к Августусу Геру[10]. Некоторые говорят, что даже болезнь не оправдывает таких переходов; что автор «Истории двух благородных жизней» не ровня Босуэллу[11]; и если утверждать, что кроме лучшего в литературе нам нравится худшее в ней — отвратительна лишь посредственность, — то и этого у него нет. Да будет так. Закон на стороне нормальности. Но для тех, кто переживает незначительное повышение температуры, имена Гера, Уотерфорда и Каннинга испускают лучи благотворного сияния. Только не первую сотню страниц или около того. Там, как часто бывает в этих толстых томах, мы барахтаемся и чуть ли не тонем в изобилии тетушек и дядюшек. Приходится напоминать себе, что есть такая вещь, как атмосфера; что сами мастера часто держат нас в невыносимом ожидании, готовя наш разум к чему бы то ни было — неожиданности или отсутствию неожиданности. Вот и Гер не торопится; очарование подбирается к нам незаметно; постепенно мы становимся почти членами семьи, но

[10] Примечания: 10

Августус Гер (1834–1903) — английский писатель, автор романа «История двух благородных жизней» (на русский не переведен).

[11] Примечания: 11

Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский писатель, автор двухтомника «Жизнь Сэмюэла Джонсона».

не вполне, ведь ощущение странности всё равно остается, и мы разделяем семейное смятение, когда лорд Стюарт покидает зал во время бала, а в следующий раз о нем слышат, когда он уже в Исландии. Приемы, говорит он, ему наскучили — таковы были английские аристократы, пока брак с интеллектом не осквернил изысканное своеобразие их умов. Приемы им наскучили; они уезжают в Исландию. Затем его охватила бекфордова[12] одержимость строительством замков; он должен перевезти французский château через Ла-Манш и за немыслимые деньги возвести башенки и пинакли для спален слуг, да еще и на краю осыпающегося утеса, чтобы служанки видели, как их метлы плывут вниз по Те-Соленту, и леди Стюарт была весьма огорчена, но не падала духом и, как и подобало леди благородного происхождения, начала сажать вечнозеленые растения перед лицом разрухи. Тем временем дочери, Шарлотта и Луиза, росли в своей несравненной прелести, с карандашами в руках, вечно рисуя, танцуя, флиртуя, в кисейной дымке. Их правда сложно различить. Ведь жизнь тогда была не жизнью

[12] Примечания: 12

Речь о богатом писателе Уильяме Бекфорде (1760–1844), построившем аббатство Фонтхилл в готическом стиле с высокой башней, которая несколько раз обрушивалась.

Шарлотты и Луизы. То была жизнь семей, групп. Это была паутина, сеть, раскинутая широко и опутывавшая всех кузенов и кузин, приживал и старых слуг. Тетушки — тетя Каледон, тетя Мексборо — и бабушки — бабушка Стюарт, бабушка Хардвик — собираются в хор голосов и вместе радуются, скорбят, едят рождественский ужин, и становятся очень старыми, и остаются очень прямыми, и сидят в креслах с капюшонами, вырезая цветы, кажется, из цветной бумаги. Шарлотта вышла за Каннинга и уехала в Индию; Луиза вышла за лорда Уотерфорда и уехала в Ирландию. Тут письма начинают пересекать обширные пространства на медленных парусных кораблях, и общение становится еще более затянутым и многословным, и, кажется, нет конца пространству и приволью этих ранних викторианских дней, и утрачиваются веры, и жизнь Хедли Викарса[13] их возрождает; тетушки простужаются, но выздоравливают; кузины выходят замуж; в Ирландии голод, а в Индии восстание, и обе сестры остаются, к их великому, но безмолвному горю, без детей, которые пришли бы им на смену. Луизе, маявшейся в Ирландии, где лорд Уотерфорд це-

[13] Примечания: 13

Хедли Викарс (1826–1855) — глубоко верующий офицер Британской армии, погибший в Крымской войне.

лыми днями пропадал на охоте, часто бывало одиноко; но она хранила верность своему делу, навещала бедных, произносила слова утешения («Мне очень жаль слышать, что Энтони Томпсон потерял рассудок или, вернее сказать, память; однако раз ему хватает разумения, чтобы уповать лишь на нашего Спасителя, значит, рассудка у него достаточно») и всё рисовала, рисовала. Тысячи блокнотов заполнены вечерними рисунками карандашом и тушью, затем плотник натянул для нее бумажные листы и она создала росписи для школьных классов, ей в спальню приводили живую овцу, она облекала егерей в одеяла, в изобилии писала Святое семейство, пока великий Уоттс не воскликнул, что она не хуже Тициана и пример Рафаэлю. На это леди Уотерфорд рассмеялась (у нее было изрядное и щедрое чувство юмора) и сказала, что она всего-навсего рисовальщица и едва ли была хоть на одном уроке в жизни — взгляните на возмутительно недоделанные крылья ее ангела. Кроме того, дом ее отца вечно падал в воду, она должна его подпирать, обязана развлекать друзей и заполнять свои дни всякого рода благотворительными делами, пока не вернется с охоты ее лорд, и потом, обыкновенно в полночь, сидя возле него под лам-

пой с блокнотом, она будет рисовать рыцарское лицо мужа, наполовину скрытое в тарелке супа. Величавый, словно крестоносец, он снова ускачет охотиться на лис, она будет махать ему и каждый раз думать, а что, если этот раз — последний? И тем зимним утром так и случилось; его конь споткнулся; он погиб. Она знала это еще до того, как ей сообщили, и сэр Джон Лесли так и не смог забыть ни — когда сбегал в день похорон по лестнице — красоты благородной леди, провожавшей взглядом катафалк, ни — когда вернулся — того, что портьера, тяжелая, средневикторианская, возможно бархатная, была смята там, где она вцепилась в нее в агонии.

Джулия Стивен
Записки из комнат больных

Введение

Мой опыт сиделки и пациентки слишком ограничен и не мог бы оправдать желания пополнить великое множество заметок по сестринскому делу, однако я старалась записывать то, что сама наблюдала, — будь то облегчение страданий или причинение неудобства больным. Я вынуждена умолчать об очевидных вещах и понимаю, что при этом многие мои слова покажутся слишком очевидными.

Моим оправданием служит то, что я старалась неукоснительно следовать всему, чему научилась или не научилась в комнатах больных. Я не претендую на установку каких-либо основополагающих правил ухода, но хотела бы подчеркнуть, что некоторые из многочисленных неприятных обстоятельств, сопутствующих болезни, можно умалить или вовсе устранить. Мне довелось наблюдать за тем, как ухаживают за больными сведущие сиделки, я видела и тех, кто отличался особой расторопностью, и тех, кому не хватало опыта и сноровки, однако и у них было чему поучиться.

Я сама ухаживала за несколькими больными

и слишком настрадалась из-за собственных упущений, так что теперь хочу обратить свой опыт во благо другим.

Я всегда задавалась вопросом, почему работа сиделкой считается доказательством добродетели? Обычные отношения между больным и здоровым человеком гораздо проще и приятнее, чем между двумя здоровыми.

Несомненно, есть те, кому настолько неприятно взирать на физическую немощь, что комната больной превращается для них в настоящую камеру ужасов. Эти несчастливцы не должны пользоваться никакой властью в этой комнате; но если, по прискорбным обстоятельствам, так случится, то мы, безусловно, должны приберечь свою жалость для злополучных пациенток, оказавшихся под их опекой.

В болезни, как и в смерти, есть — по крайне мере, должно быть — нечто, что сглаживает разногласия. Неприглядные стороны характера человека, которого призывает смерть, мы забываем или, во всяком случае, перестаем придавать им значение и в случае болезни можем позволить себе не замечать те мелочи, которые в здравии затрудняют привычное общение.

Привычки наших друзей особым образом оде-

ваться, воспитывать детей и тратить деньги могут вызывать разногласия, если не приходится думать о страдании или утрате; но, когда нам угрожает то или другое, всё это кажется такими пустяками! Мы без раздражения смотрим на разросшуюся челку, если голова, которую она обезображивает, охвачена болью и жаром; и мы чувствуем себя вправе разрешить избалованным детям засунуть ноги в «хрустальный соусник», как незабываемый мальчик из детства[14], если это доставит удовольствие излишне балующей матери, которую терзает боль.

---

[14] Примечания: 14
Речь о персонаже книги «Лейла в Англии» Энн Фрейзер Тайтлер.

Дар сиделки

Жизнь сиделки, разумеется, не скучна, и чем больше опыта приобретаешь, тем меньше приходится скучать. Развиваясь в искусстве ухода за больными, сиделка находит всё больше радости, и это сказывается на пациентах. Искусству быть больным нелегко обучиться, но многие величайшие страдальцы отточили его до совершенства.

Величайшие страдальцы ни в коем случае не худшие пациенты, и если приносишь им пусть даже временное облегчение, то испытываешь такое удовлетворение, которое, пожалуй, не даст исполнение каких-либо других обязанностей.

Сиделке должно быть решительно безразлично, за кем ухаживать. Я часто слышала, как профессиональных сиделок укоряют в том, что пациенты для них — лишь случаи болезни. Если это означает быть к ним равнодушным, то упрек обоснован; но ежели сиделка не равнодушна, то что же ей видеть в пациенте, как не случай болезни; да и зачем?

Подлинная любовь к «случаю болезни», а не к конкретному пациенту кажется мне признаком того, что у сиделки есть дар.

Было бы бессердечно ухаживать с теплотой лишь за особенно обаятельными людьми или за теми, о ком хлопочут родные. Каждая сиделка, будь она профессионалом или любительницей, должна видеть в пациенте «случай», с неизменной нежностью и бережной заботой ухаживать и за совершенно незнакомым человеком, и за вредным другом, и за тем, кто ближе и дороже всех на свете.

Обычно, если профессиональная сиделка ухаживает за больным дома, кто-то из семьи обязательно наблюдает и помогает — но чаще мешает работе.

Такие помощники могут немало поспособствовать тому, чтобы жизнь пациента и сиделки стала легче и веселее; но если эти люди всё делают неумело и бестактно, не проявляя усердия, то никто не желает их присутствия и, напротив, опасаются его.

Чтобы избежать путаницы, я использовала слово «сиделка», но многие советы, записанные мной, предназначаются для таких помощников. Непременная обязанность всех, кто ухаживает за больным, — сохранять жизнелюбие; речь не о напускной вымученной жизнерадостности, а о тихой веселости, благодаря которой при-

сутствие человека становится приятным, а не угнетающим. Может показаться, что такому совету следовать трудно, но это не так. Подобная веселость — это привычка, и людям с мрачными лицами не место у больных. Атмосфера в комнате должна быть радостной и мирной. Это не место для домашних неурядиц, денежных вопросов, хлопот и всевозможных споров.

Ложь

Здесь не может быть полумер; намеки и шепот гораздо хуже правды. Воображение больной безгранично, и даже самые чуткие друзья порой пренебрегают этим обстоятельством. Из-за ответов «Ничего страшного», «Не беспокойся» несчастная пациентка, которая уже что-то заподозрила, может начать биться в лихорадке. Она измучит себя подозрениями о всевозможных бедствиях, и, когда наконец наберется решимости добиться ответа, ее невольный мучитель признается, что одну из труб прорвало!

Если же пришла беда и необходимо, чтобы больная оставалась в неведении, то ухаживающие должны по мере сил примириться с совестью и на все вопросы лгать безбоязненно.

Крошки

Среди мелких зол, которые изводят во время болезни, самое страшное по приносимым страданиям и притом самое незначительное по размеру — это крошки. Люди уже пришли к согласию об истоках многих вещей, но происхождение крошек в постели никогда особенно не занимало ученый мир, хотя из-за этой проблемы мучились многие утомленные страдальцы. Я не стану пускаться в объяснения, которые не были бы ни научными, ни религиозными, и попрошу лишь признать злостное существование крошек и остерегаться их, насколько это во власти человеческой природы. Пытка крошками в постели должна быть искоренена, как колорадский жук — с картофельного поля. Любая женщина, которая хоть раз болела, сразу примет меры предосторожности, пусть от них и мало проку. Она будет подкладывать под подбородок салфетку, вытягивать шею, есть самым неудобным образом, следя, чтобы ни одна крошка не попала в складки ночной сорочки или рубашки. Когда же вновь уляжется в постель, тщетно надеясь, что обхитрила врага, тут-то он ее и настигнет:

острая крошка вопьется в спину, а к пальцам ног как будто пристанут песчинки. Если пациентка в силах встать, чтобы постель перестелили, то, вернувшись в кровать, она обнаружит, что крошки всё еще ее поджидают. Горничная будет уверять, что перетряхнула простыни, а сиделка — что вымела все крошки, только они всё равно никуда не денутся до тех пор, пока сиделка не вознамерится их одолеть. Сначала ей придется в них поверить, ведь мало что вызывает столько же сомнений, как утверждение «У меня в кровати крошки». После каждого приема пищи сиделка должна проводить рукой по кровати, чтобы нащупать крошки. Заправляя постель, сиделка и горничная обязаны не ограничиваться перетряхиванием белья и подметанием. Ввиду того, что к простыням пристают мельчайшие крошки, сиделка обязана скрупулезно отцеплять их по одной; если их много и они совсем крохотные, следует даже намочить пальцы, чтобы крошки к ним прилипали. Необходимо осмотреть одежду пациентки; в любой складке или оборке могут таиться крошки. Они проникают в рукава ночной рубашки, и, если пациентка во время осмотра лежит в постели, пусть ее руки свисают, чтобы эти крошки высыпались. Когда крошки изгнаны

— на время, так как с каждым приемом пищи они возвращаются вновь, — сиделка должна убедиться, что на простыне нет складок. Лучший способ их избежать — прочно прикрепить булавками простыню к матрасу, предварительно как следует растянув ее.

Постель

Многие не сознают, как важно стелить простыню ровно, иначе она непременно собьется, а если заколота булавками, наверняка порвется. Одеяла следует класть постепенно, одно за другим, а не два-три разом. Каждый укрывает одеялом по-своему, и разница ощутима. Все одеяла нужно класть ровно и плавно; тогда ничего не придется расправлять. Если пациентка лежит, пока постель заправляют, следует наполовину скрутить нижнюю простыню и положить ее на край; затем приподнять пациентку над свернутой простыней и перенести на свежую, половину которой предварительно расстелили на кровати. Старую простыню можно легко снять, и, когда новая расстелена целиком, ее можно расправить и при необходимости закрепить булавками. Верхнюю простыню надо скрутить или сложить по ширине в ногах под одеялами; затем одну стянуть, другую убрать, не потревожив одеял. Все одеяла и покрывала должны лежать на постели, не разъезжаясь и не сползая на пол; дополнительное покрывало для ног пусть не свисает, иначе оно упадет от любого движения пациентки или человека,

неосторожно прошедшего рядом; можно закрепить это покрывало на вешалке для полотенец, если у постели нет добротного изножья. Так как есть вероятность, что кто-то нечаянно заденет ножки стула или вешалки для полотенец и тогда постель тряхнет, чего допускать нельзя, лучше соорудить на скорую руку подобие изножья — поместить внизу между матрасом и перекладинами обычную гладкую доску.

Если больная желает укрыться пуховым стеганым одеялом, то его следует прикрепить к верхнему покрывалу безопасными американскими булавками.

Постель часто становится душной и неприятной, и сестра может освежить ее, не охлаждая пациентку, — если три-четыре раза поднять верхний пододеяльник с другими покрывалами на нем, постель проветрится, а пациентка при этом не замерзнет и не утомится. Больная может самостоятельно таким способом проветрить свою кровать, если готова поднимать колени; достаточно приподнять рукой верхний край пододеяльника, а затем несколько раз поднять и опустить колено; но для этого, конечно, требуются некоторые силы, поэтому пусть лучше постель проветрит тот, кто находится рядом.

Некоторые полагают, что всё удобство постели зависит от подушек, и трудно с ними не согласиться. Безусловно, твердая или мягкая подушка может превратить вполне удобную постель в место весьма изнурительное. Каждый в своей манере раскладывает подушки: одним нравятся ровные и мягкие, а другие их извертят и искрутят, пока совершенно не отчаются отдохнуть. Сиделка должна выяснить, что предпочитает пациентка, и только после этого раскладывать подушки. Я часто наблюдала мучения больной от того, что чересчур ревностная сиделка меняла положение подушки, которое, безусловно, со стороны выглядело крайне неудобным, но на самом деле идеально соответствовало нуждам пациентки и было достигнуто с превеликим трудом. Сиделка всегда должна быть готова перевернуть подушку, если об этом попросят; она может сделать это, не утомляя пациентку — подложив одну руку под ее затылок, а другой быстро перевернув подушку и вернув ее на место. Я сознательно пишу о руке. Голову нужно поддерживать ладонью. Сиделки часто используют лишь два пальца, а если ими сильно надавить на затылок, то переворачивание подушки превращается в крайне мучительное действие. Если под рукой нет второй подушки, а

пациентка хочет приподнять голову, она может подвернуть угол подушки под щекой; но сиделке не стоит это делать, так как может выйти весьма неудобно — нужный сгиб создадут лишь рука и щека самой пациентки.

Пеленка

Если без пеленок не обойтись, то постель лучше заправлять следующим образом: застелить ее как обычно, а под простыню положить добротное одеяло, поверх него — пеленку, затем на пеленку снова одеяло и простыню; не следует их подворачивать. Когда в пеленке уже нет необходимости, верхние простыню и одеяло, а также саму пеленку можно убрать из-под пациентки, и тогда она останется на чистой свежей постели.

Чем меньше времени пеленка лежит под пациенткой, тем лучше; зловоние и затхлость вызывают большой дискомфорт, кроме того, если матрас покрыт качественным одеялом, то вряд ли он дойдет до удручающего состояния. Сиделки склонны преувеличивать потребность в пеленках и неохотно допускают, что те доставляют беспокойство и неудобства. Бережливость — великое достоинство сиделки, поскольку любая болезнь, даже самая безобидная, сопряжена с расходами; но и достоинство может быть доведено до крайности.

Полагаю, многие предпочтут терпеть сильный дискомфорт, чем увеличивать расходы на стирку;

если сиделка обнаружит, что имеет дело с таким случаем, она обязана, не допуская лишних расходов, сделать всё возможное, чтобы пациентка оставалась чистой и опрятной. Переживания о счетах и тратах до крайности вредят больной, и если она из числа тех домовитых хозяек, для кого превышение определенной суммы — сущая беда, то во время болезни следует уважить эту черту ее характера, как и все прочие. Если же сиделка ухаживает за пациенткой другого склада и роскошь чистоты позволительна, я бы посоветовала раздобыть как можно больше чистого белья и чистой одежды.

Насколько я могу судить, сестры придерживаются негласного правила, что если в их распоряжении лишь одна чистая простыня, то ею следует укрывать пациентку, а ту, что лежала так прежде, — стелить внизу. Тому есть очевидная причина, ведь верхняя простыня на виду, поэтому должна сиять свежестью.

Однако есть и очевидная причина так не делать, ведь пациентка больше соприкасается с нижней простыней, и поэтому ради комфорта больной я бы попросила в тех случаях, когда чистая простыня только одна, стелить внизу именно ее. Я прекрасно понимаю, что верхняя

простыня всего-навсего мнется, а не пачкается; но именно из-за этой смятости, неопрятности и несвежести столь утомительно долгое пребывание в постели. Раз само собой разумеется, что верхняя простыня всего лишь сминается, значит вид ее вовсе не оскорбителен для врача. Любая пациентка, за исключением разве что миссис Скьютон[15], предпочтет, чтобы прежде всего заботились о ее комфорте, а не о внешнем виде.

[15] Примечания: 15

Героиня романа Чарльза Диккенса «Домби и сын», которая в семьдесят лет молодится и наряжается так, словно еще девушка.

Носовые платки

Если крошки — самые стойкие обитатели постели, то носовые платки — самые мимолетные; они таинственным образом исчезают, хотя их неизменно кладут под подушку. Чтобы как-то предупредить вечную охоту за платками, стоит предоставить пациентке сразу два — по одному под левый и правый края подушки. Если больная носит ночную кофту, то лучше пусть это будет кофта с карманами. Я советую кофты с широкими проймами и рукавами, так как в них легко проходят рукава ночной рубашки. У горла не должно быть пышных оборок или оторочек; хотя на вешалке такие кофты смотрятся красиво и пристойно, в них жарко и неудобно, а также, поскольку оборки быстро сминаются и теряют опрятный вид, ночные кофты почти сразу выглядят неважно.

Мытье

Среди задач по уходу нет ничего более обременительного, важного и спорного, чем мытье тела. Общеизвестно, что многие люди одержимы чистоплотностью. Я бы настойчиво просила таких больных умерить жажду мыла и воды, как если бы речь шла о джине, и довольствоваться легким ежедневным умыванием, не терзая себя мыслью, будто они покрылись грязью, раз их каждодневно не отмывают самым тщательным образом. Однако сиделка должна не искоренять убеждения пациентки, а как можно дольше поддерживать их в согласии с ее благополучием. Зачастую это совсем не просто; и всё же добросовестная сиделка может тщательно вымыть пациентку, да так, что та не простудится и не сильно утомится.

Всё необходимое для мытья должно быть под рукой — теплая и холодная вода, ванный термометр, стопка теплых полотенец, старый фланелевый халат, а также запасное одеяло. Прежде чем раздевать пациентку, сиделке стоит убедиться, что она располагает всем необходимым; не надо бродить туда-сюда, заходить в комнату и допускать любые промедления, если

водные процедуры уже начались.

Разумеется, пациентку необходимо мыть постепенно; сначала нагрейте фланель, затем неплотно накройте ею обнаженную часть тела и по мере возможности умывайте и сушите ее под этой фланелью.

Каждую часть тела стоит хорошенько протереть и — если нет возможности сразу одеть пациентку — покрыть тканью, которая не соскользнет, и только после этого продолжать омовение. С капелькой уксуса, одеколона или розовой воды умывание станет более освежающим, к тому же одеколон предупреждает озноб. Хорошо нагретые полотенца не должны обжигать. После мытья кожа крайне чувствительна, поэтому надо проследить, чтобы полотенце нагрелось равномерно, без горячих частей, и прикладывать его следует аккуратно; если взмахнуть им слишком резко, от порыва воздуха влажная кожа ощутит ледяной озноб, о чем сиделки часто не подозревают. Если задействованы две помощницы, то пусть одна занимается полотенцами — подносит их к камину, чтобы те целиком прогревались, но не становились чересчур горячими. Если же сиделка одна, ей следует подогреть одну сторону полотенца у камина перед умыванием и пере-

вернуть его другой стороной, когда процедура начнется. Если она ненароком обнаружит, что какая-то часть перегрета — следует всегда быстро проводить рукой по полотенцу перед использованием, — можно быстро его встряхнуть, когда пациентка уже чем-то накрыта, и тогда оно охладится до приятной температуры.

Если нет камина, для подогрева полотенец подойдет и круглая грелка для ног.

Принятие ванны

Принимать ванну нужно в той же самой последовательности; однако, если сиделке необходимо погрузить пациентку в воду, делать это следует крайне осторожно. Беспомощную пациентку непременно должны купать две помощницы. Сперва пусть воды коснутся ступни пациентки, дальше, по мере погружения, следует водить рукой в воде, чтобы та естественно омывала тело больной, оберегая от резкого потрясения. Из-за погружения в воду все нервы предельно напрягаются, о чем наблюдатели и не догадываются; сиделке следует привести пациентку в умиротворение, насколько это возможно, не только сообщив температуру воды, но и дав коснуться ее до погружения. После мытья пациентку следует сразу укрыть большой нагретой простыней, затем перенести на диван, на котором предварительно расстелили теплое одеяло, укутать им, а затем, вытащив из-под одеяла впитавшую влагу простыню, насухо протереть больную теплыми полотенцами. Такое принятие ванны немного утомляет; мыть и вытирать пациентку стоит в тишине. Бессмысленные комментарии, кото-

рые отпускают помощницы, пагубно влияют на больных. Всякие «вот так», «ага, здесь», «погодите минуту» только раздражают и мешают отдохновению, которого ждешь от принятия ванны.

Сиделка должна крайне внимательно следить, чтобы не натереть и не намылить царапину или болячку на теле пациентки. Ранка может казаться незначительной, но в болезни не бывает пустяков, и даже тонкая царапина от намыливания грозит обернуться ощутимой ссадиной, которая будет мешать чувствительной пациентке спать. Сиделке стоит сохранять гладкость рук и коротко стричь ногти; прелестные миндалевидные ногти, которыми многие так гордятся, — настоящее «жало в плоти»[16] несчастных пациенток, и их мало утешают уверения сестры «Мэм, не может вас что-то колоть, это всего-навсего мои пальцы».

При мытье рук чашу с водой нужно поместить под кистями, чтобы вода стекала вниз, а не по рукаву, как это часто бывает. Если случайно намочили рукав, надо проложить вату между промокшей тканью и рукой, а затем сбрызнуть

[16] Примечания: 16

Отсылка ко Второму посланию к Коринфянам святого апостола Павла: «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился».

мокрое пятно одеколоном. Если же постель слегка намокла, следует побрызгать на нее одеколоном, чтобы пациентка не простудилась; однако, если постель сильно намокла, а сменить простыню нет возможности, надо провести горячим утюгом по сырому участку, тогда он быстро высохнет. Делать это нужно крайне осторожно, чтобы не обжечь пациентку, к тому же следует убедить ее, что все меры предосторожности приняты и ожог ей не грозит.

Громадное облегчение больным людям приносит мытье ног, которое, в отличие от процедур с другими частями тела, менее опасно и утомительно. Лучше подложить теплую фланель под ногу — пусть она немного свисает с кровати, — а ванночку или тазик необходимо разместить ниже, тогда будет легко ее хорошенько намылить и потереть губкой.

Ноги надо мыть по одной, а после протирания губкой — оборачивать теплой фланелью и сушить нагретыми полотенцами. Пациентка с тяжелым заболеванием легких, скорее всего, будет опасаться мыть ноги; однако, если сиделке удастся убедить ее в необходимости этой процедуры, больная получит несравненно больше пользы, чем другие, ведь при такой болезни на

ступнях образуется толстый слой сухой кожи, от которого ноги потеют и зудят. Если же мыть ноги не требуется, можно слегка освежить их, протерев одеколоном ступни и промежутки между пальцами.

Волосы

Расчесывать волосы больной хорошо бы гребнем с редкими зубьями, а если такого нет, то хотя бы тем краем обычного гребня, где зубья реже. Сиделке следует придерживать волосы у корней, чтобы пациентка не мучилась при расчесывании запутавшихся прядей. Касаться волос лучше слегка, чтобы держать голову больной прямо, а не тянуть из стороны в сторону, как часто делают.

Сиделке должна внимательно следить за расческой. Как бы это ни было абсурдно, факт остается фактом: брови пациентки часто подвергаются такому же усердному расчесыванию, как и волосы. Сиделка должна всегда очищать гребень от волос, прежде чем пускать его в ход. Если с него свисает длинный волос и скользит по лицу при каждом движении, это до крайности неприятно.

Хотя волосы и не такие чудовищные соседи, как крошки, они тоже раздражают, и нет оправдания той сиделке, которая, причесав пациентку, оставляет волоски на ночной рубашке или постельном белье.

Если есть необходимость в судне, нельзя

вынуждать пациентку подниматься дважды; следует сразу подставить судно правильно, а, убирая его, можно заодно поправить и одежду.

Если больная очень слаба и нервозна, под судно стоит постелить небольшую пеленку и полотенце. Горячий уксус — самое приятное ароматизированное средство для дезинфекции. Безопаснее всего хранить его в старой банке от варенья и туда же подбрасывать пару раскаленных угольков. Запах уксуса, только если он не противен пациентке, в разы благоприятнее для здоровья, чем парфюмированные ленты Брюгге[17] или курительные свечи. «Санитас»[18] — превосходный очиститель. Один пшик избавляет от неприятных ощущений; действеннее всего он освежает одежду или постель. Борная кислота — превосходный дезодорант; если перед использованием судна налить в него немного воды и растворить в ней несколько кристаллов, то не будет неприятного запаха, к тому же борная кислота лишена цвета и аромата, поэтому

[17] Примечания: 17

Ленты Брюгге — ленты из льна или хлопка, которые пропитаны ароматом и источают его при сгорании.

[18] Примечания: 18

«Санитас» (1878–1899) — британская компания, продававшая антисептики и дезинфицирующие средства.

предпочтительнее марганцовки или карболовой кислоты.

Воздух

Уж какие только авторитеты не писали о проветривании, и мне остается лишь подчеркнуть, что каждодневно впускать свежий воздух в комнату больной вовсе не опасно при условии, что пациентка хорошо укутана, не только когда окна открыты, но и некоторое время после их закрытия, причем покрывала с нее стоит убирать постепенно.

Дым свечи — один из самых зловредных запахов в комнате, а больные его вдыхают слишком часто, даже если за ними ухаживают заботливые и рассудительные сиделки, и я осмелюсь утверждать, что полностью избавиться от этого возможно, только если потушить фитиль бумажным жгутом, ножом для бумаги или другим подручным плоским предметом.[19] Фитиль можно выправить, когда пламя потухнет, чтобы свеча не испортилась. Прежде чем задувать свечу, ее стоит поднять или поставить на камин, хотя и это

[19] Примечания: 19

После того как я это написала, мне по дружбе прислали прелестные щипцы для снятия нагара, первые на моей памяти, что гасят пламя, не оставляя дыма: они плоские, а не как коробочки, не обрезают фитиль и не измельчают его, действенно предотвращают любой запах.

не панацея. Хуже всего тушить ее гасильником, так как возникает дым, и он либо рассеивается постепенно, затягивая мучения, либо остается внутри гасильника и выходит, когда вновь возникает потребность в свече, а это даже хуже, чем первый случай. Ночные сальные свечи тоже стоит гасить, придавливая фитиль, так как запах у них препротивный; ни в коем случае не бросайте огарки в огонь, так как нет зловония сильнее, чем от горящего жира.

Освещение

Многие больные восстают против ночного освещения. В таком случае сиделке придется обойтись одним источником света. Зачастую это гораздо проще, чем кажется. Свечи и спички, разумеется, должны быть под рукой, и хорошо бы зажечь свет в соседнем помещении или в коридоре; но, если пациентка желает, чтобы в комнате было темно, сиделке нужно постараться исполнить ее волю.

Если же без света не обойтись, следует его искусно затенить. Под этим я подразумеваю, что нужно заслонить от глаз больной не только свечу, но также и ее отражения.

Я была свидетельницей тому, как отзывчивая, опытная сиделка аккуратно загораживала свечу целиком, но не замечала, что огонек отражается в зеркале. Ночную свечу часто помещают в чашу ради безопасности и тени, однако тогда на потолке мерцает красивый световой шар, так как от глазурованного фарфора крохотный огонек десятикратно усиливается. Солнечный свет стоит затенять с тем же тщанием. Сиделка обязана проверить, что при задернутых шторах и занавесках

не осталось ни одной щели. Тонкий косой луч изнуряет даже больше, чем широкий поток света при распахнутых занавесках.

Где бы ни стояли свечи, сиделка должна следить, чтобы они не оказались там, где, по мнению пациентки, это может быть опасно. Беспомощных людей часто терзает страх, что они сгорят заживо в постели. Лежачие больные воспринимают расстояние совсем иначе, чем те, кто может стоять. Что для здорового человека выглядит совершенно безопасным, для немощного воспринимается как пугающе близкое; сиделка не должна вступать в споры и обязана переставить свечу, а если это невозможно, доказать пациентке, что ей ничего не угрожает.

Сиделки весьма часто грешат тем, что начинают переубеждать пациенток или, по крайней мере, пытаются это сделать (ведь мы знаем, как редко люди меняют мнение и в болезни, и в здравии). Больные часто поддаются уговорам из-за огромной усталости; при этом остаются при своем мнении, и разум их не ведает покоя; они прокручивают в голове доводы сиделки и свои аргументы, тревожатся из-за пустяка, но не хотят вновь вступать в пререкания. Я настоятельно прошу всех сиделок, насколько это в их

власти, поддерживать душевный покой пациенток. Невозможно ослабить все тревоги, которые проникают в комнату больной, как невозможно и устранить все страдания, которые терзают воспаленный рассудок; однако сиделкам под силу смягчить некоторые мучения, а также они способны и попросту обязаны не становиться их источником.

Капризы

Капризы больной кажутся абсурдными, и зачастую они такие и есть; но от возражений желания не исчезнут, а лишь усилятся, только пациентка начнет скрывать чувства, и таким образом душевное напряжение будет расти — а это верный способ усугубить и физические страдания. Добросовестная чуткая сиделка среди прочего награждена знанием, что прихоти пациентки вовсе не лишены смысла. Если больная видит, что сиделка всерьез относится к ее капризам, она сохраняет спокойствие духа и не донимает ту лишними вопросами и предложениями.

Разумеется, некоторые пациентки требовательны не со зла, они просто тонко устроены, а бывает, что от страданий их чувства обостряются, и тогда больные улавливают сквозняк или запах, даже когда самая внимательная и отзывчивая сиделка ничего не замечает. В таком случае сестра не должна отрицать эту неприятность; может, дует из какой-то открытой двери или из окна и больная, в отличие от здорового человека, ощущает этот поток воздуха. Что-то могло попасть на кухонную плиту, или произошла минутная

утечка газа, и никто, за исключением больной, этого не чувствует. Сестра обязана устранить эти неприятности, если они есть, а также тщательно проверить, взаправдашние ли они или надуманные. Нельзя простудиться по воображаемым причинам; однако из-за нервозной боязни охлаждения больная может вся известись, и одна из важнейших обязанностей сестры — обеспечить пациентке комфорт и тела, и души.

Если состояние больной позволяет сиделке ненадолго отлучиться, пусть под рукой у пациентки останутся колокольчик и разные мелочи, которые могут срочно понадобиться. Сиделке нельзя второпях покидать пациентку, всегда прежде стоит убедиться, что всё необходимое лежит рядом с больной и та сказала всё, что хотела. Во время болезни мысли формулируются чрезвычайно медленно, и если ощущаешь, с каким нетерпением ждут твоих слов, то можешь и вовсе лишиться способности их произнести.

Сиделке, особенно начинающей, полезно записывать все события из жизни больной — часы приема пищи и лекарств, любые перемены температуры или симптомов, количество часов сна и всё в таком духе. Жизнь в комнате больной крайне монотонна. Но если пытаться вспомнить

последовательность мелких событий, из которых складывается день пациентки, то можно растеряться, особенно если кто-то высказывает сомнения. Врачи крайне довольны, если заботливая наблюдательница ведет дневник пациентки. Для понимания болезни важно знать, когда проявляются такие симптомы, как приливы жара, тревога, перевозбуждение, а у сиделки при приходе врача может вылететь из головы всё, что она не записала.

Визиты

Наши друзья порой хуже врагов — эта банальность для больной оказывается крайне тягостным фактом; добрые люди находят столько способов измучить друг друга, что это было бы смешно, не будь так грустно. Большинство больных могут принимать гостей только в определенное время, но напрасно убеждать в этом друзей. Каждый день внезапно объявляют, что пришла та или иная, она знает, что слишком рано, поэтому подождет. Больная торопится съесть еду, одеться или завершить какое-либо другое дело и при встрече с подругой уже не способна порадоваться.

У гостей есть неприятная привычка извиняться за визиты. Несомненно, больная желает многое сказать и услышать, но время посещения коротко; поэтому чрезвычайно раздражает, когда и это время визитеры сокращают, пускаясь в заверения, что заглянули на минуту, не будут докучать беседой и т. п. Многие гости заблуждаются, полагая, что любой недуг сказывается на разуме или слухе. Иначе никак не объяснить покровительственную бодрость и нарочито четкую дикцию таких посетителей. Они невольно напоминают

великолепную миссис Пикаби, говорившую на ломаном английском, чтобы мистер Баптист[20] ее понял.

Гостям следует сразу проходить в комнату больной; ни к чему мешкать за дверью и шептаться там, когда о визите уже сообщили; не стоит заговаривать издалека, не приблизившись к больной; необходимо, чтобы она всех видела и слышала. Привычка начинать беседу с порога или, еще хуже, разговаривать, придерживая дверь полуоткрытой (так почти всегда поступают слуги, передавая какое-то сообщение, и сиделке стоит это пресекать), свидетельствует о том, что гости предпочитают держаться подальше до тех пор, пока их подруга не выздоровеет. Если пациентка спит, когда приходят посетители, они должны немедленно уйти, а не стоять и глядеть на больную до тех пор, пока та в испуге не проснется, как это непременно случается.

Ни в коем случае нельзя садиться на постель больной или облокачиваться на нее. Эти советы могут показаться неуместными, но стоит хотя бы недолго пробыть в комнате больной, как станет ясно, что они отнюдь не лишние. Спешные

[20] Примечания: 20

Отсылка к героям книги Миссис Генри Вуд «Гордость Вернеров» (не переведена на русский язык).

визиты весьма нежелательны. Больной обычно лучше вовсе не видеть ближайшую подругу, чем чувствовать, что встреча проходит впопыхах; ведь тогда не жди приятной беседы, радости от встречи.

Сиделка должна взять на себя задачу выпроваживать визитеров. Если это трудно и неприятно, следует напомнить себе, что пациентке это в разы труднее и неприятнее и, возможно, ей не хватит смелости попросить друзей уйти, однако она будет крайне благодарна сиделке, которая сделает это за нее.

Шумы

По комнате больной надо перемещаться тихо. Громким людям, которые хлопают дверьми и ходят, скрипя половицами, и вовсе нечего там делать.

Сиделки или посетители должны двигаться плавно и бесшумно; не надо вскакивать с места, какая бы срочность ни возникла; шорох одежды, стук от падения предметов с колен, последующий поиск — и больная уже жалеет, что вызвала такую суету.

К вечеру сиделке надо подготовить всё, что может потребоваться пациентке. Необходимо не только принести еду и лекарства, которые та принимает по вечерам, но и убедиться, что чайник заполнен, а спички, дрова, уголь, запасная пара свечей — на месте, что воды достаточно и все материалы для припарок под рукой. Как известно, зачастую по ночам в болезни наступает перелом или же она перетекает в новую форму; и сиделке нужно заранее собрать все основные лекарства, чтобы дать их без малейшего промедления. Не следует посреди ночи пускаться в поиски чего бы то ни было. Суматоха и шум в

комнате больной недопустимы. С наступлением ночи там должно становиться всё тише и тише. Огонь надо развести заранее, ведь чирканье спичек или выскребание углей режет слух. В целом в комнате должна царить умиротворяющая атмосфера, чтобы пациентка могла в любой момент провалиться в сон и не упускала возможности отдохнуть из-за гнетущего чувства, будто что-то еще не доделано. Ночной сиделке следует сидеть у камина и греть руки, так как их тепло будет приятно и пациентке, и ей самой. От холодного прикосновения больная может проснуться; а если она бодрствует, сиделке необходимо ее успокоить, чтобы та уснула как можно скорее. Пусть пара хозяйственных перчаток лежит рядом с углями, чтобы можно было их подбрасывать в огонь, не запачкав руки и не потревожив больную.

Кормление

Перед поздним кормлением следует подогреть или как-то еще подготовить пищу в соседней комнате, если пространство позволяет. Если нет, сиделке надо проделать всё очень тихо, и, когда еда готова, за исключением случаев крайнего истощения пациентки, не стоит предлагать ей поесть, пока она окончательно не пробудится.

Такова причудливая странность болезни, что пациентка, всю ночь не смыкавшая глаз, сразу же впадает в дрему, стоит ей только попросить еды. Похоже, страдалица успокаивается и засыпает, зная, что в эти самые минуты ради облегчения ее состояния что-то готовят. Если такое произошло, то, как бы это ни было хлопотно, сиделка должна примириться с мыслью, что еда останется нетронутой и придется заново готовить, когда больная попросит. Пищу следует подавать регулярно, в одном порядке, чтобы пациентку приходилось реже будить.

Спиртовка незаменима, когда нужно подогреть еду или вскипятить воду; ее лучше поставить на мраморную подставку или столик, так как спирт часто проливается и, хотя огонь быстро гаснет и

довольно безвреден, пламя может разбудить и встревожить больную.

Если пациентка любит слушать книги по вечерам, то читать их следует внятно и достаточно громко, чтобы каждое слово было без труда различимо. Если она заснула под книгу, то ни в коем случае нельзя прерывать чтение, нужно продолжать с той же интонацией, только всё более тихим голосом, и лишь спустя какое-то время совсем умолкнуть.

При затянувшейся болезни пациентку начинают раздражать окружающие предметы. Она насмотрелась на картины и узоры, что украшают или уродуют обои, и всё это ей уже невыносимо. Безусловно, сиделка не в силах поменять обстановку, но может обновить хоть что-то. Достаточно расположить зеркало так, что в нем отражались деревья и небо, а если страдалица находится в Лондоне, то край улицы, тогда оно послужит отрадой для глаз, которые давно уже не видели ничего за пределами комнаты.

Цветы и растения следует разместить так, чтобы больная наслаждалась их формой и цветом из постели, не прилагая для того каких-либо усилий. Многие нервничают, если что-то стоит криво, и беспокойная пациентка обязательно придет в

ужас, если при ней какой-то предмет оставят на краю стола. Она примется воображать, как кто-то заденет книгу или вазу и какой раздастся грохот.

Если нужно передать сообщение или сочинить записку, то задача сиделки или подруги — постараться исполнить желание больной как можно скорее. Почти все больные сильно огорчаются, узнав, что их просьбу не могут выполнить тотчас же и откладывают на потом. От скуки во время болезни сущие пустяки приобретают значимость; и пусть даже письмо может быть не особо важным, больная наверняка рассчитывает на ответ и в следующий раз, скорее всего, попробует самостоятельно написать послание, чтобы не пребывать в тревожном ожидании.

Одевание

Если сиделка может переодеть больную и пересадить ее на диван, то сперва надо собрать рукава гармошкой в кулаке, чтобы руки прошли беспрепятственно.

Всю одежду непременно следует согреть перед тем, как надевать на больную, и сразу же разгладить, а не расправлять складки уже на ней. Когда пациентка потихоньку начинает садиться, одежда доставляет ей сущие мучения: задирается от любого движения, а сил встать и привести всё в порядок еще не хватает.

Сиделка должна быть готова при необходимости быстро расправлять одежду пациентки, причем в первую очередь — фланелевое белье или другой предмет туалета, прилегающий к телу, и только потом внешние слои; уж точно не следует начинать с подъюбника, как обычно поступают почти все, пренебрегая тем, с чего действительно следовало бы начинать. Важно расправлять одежду аккуратно, не слишком сильно, чтобы она не стянула горло, так как это крайне неудобно.

На предыдущих страницах я постаралась пе-

речислить обычные обязанности сиделки; я хотела показать, сколько мелочей в комнате больной требуют каждодневной заботы, едва ли их можно отнести к сестринскому делу, однако, если выполнять эти задачи кое-как или вовсе пренебрегать ими, это пагубно скажется на комфорте пациентки и, возможно, даже отсрочит ее выздоровление.

Приготовление еды

Теперь я хотела бы добавить несколько слов о лекарственных средствах при различных видах болезни. Я вполне отдаю себе отчет, что вынуждена умолчать о том, что следовало бы обозначить, но хочу лишь поделиться собственным опытом и рассказать о вещах, которые нашла полезными или бесполезными в тех случаях болезни, которые мне довелось наблюдать. Начну с питания пациенток, так как все сиделки обязаны разбираться в еде и уметь готовить больным. Разумеется, сестра должна осматривать еду, прежде чем предлагать ее, пусть даже подает блюдо кто-то другой. Говяжий бульон часто выносят из кухни с добротным слоем жира. Чтобы его удалить, достаточно высыпать в чашку мелкие кусочки коричневатой бумаги, они впитают жир за несколько секунд. Надо полагать, посуда будет пахнуть жиром и выглядеть неряшливо, поэтому стоит перелить говяжий бульон в чистую горячую чашку, приготовленную заранее. Если говяжий бульон чересчур густой, надо процедить его через лоскут муслина, смоченный в холодной воде. После этого придется подогреть бульон на

спиртовке.

Всегда под рукой должны быть еще несколько чашек, стаканов и ложек, глубокая тарелка и чистая тряпочка. Стеклянные поильники для приема пищи годятся лучше других, и их легко прочищать щеточкой для детских бутылочек. Пациенткам наверняка в какой-то момент надоест говяжий бульон, поэтому стоит внести разнообразие, смешав говядину с телятиной.

Для самого вкусного говяжьего бульона потребуются два-три фунта свежего говяжьего филе и такое же количество телятины. Следует нарезать мясо кубиками, удалить жир и кожу, положить в банку, слегка посолить и целиком залить водой. Эту банку, накрытую крышкой или плотной тканью, необходимо поставить на огонь в кастрюлю с водой, чтобы мясо потомилось. Спустя три часа чашка крепкого говяжьего бульона вам обеспечена; однако лучше приготовить весь бульон и дать ему остыть; потом можно удалить жир, а загустевший говяжий бульон разогреть, когда понадобится. Если за раз вы приготовили много бульона, то лучше каждый день доводить его до кипения, иначе он скиснет. Сиделке и пациентке не мешает запомнить, что крепкий говяжий бульон не станет студнем, если не добавить в

него говяжьей голяшки и телячьих костей. Так и поступите, если больной хочется студня вместо супа, причем бульон необходимо уварить, иначе студень выйдет безвкусным.

Уварить — значит дать бульону выкипеть; тогда его станет меньше, но качество не пострадает. Это пояснение кажется избыточным, но я знала хорошую сиделку, которая «уваривала» говяжий бульон, добавляя в него воду. Сиделке нужно помнить, что не стоит добавлять соль после уваривания соуса или бульона. Пациентки, страдающие от боли во рту, часто жалуются, что бульон пересолен, но их можно успокоить тем, что его не солили. Если больная от этого мучится, не стоит сильно уваривать ее еду, ведь чем крепче бульон, тем он солонее на вкус. Если необходимо накормить пациентку, то нужно аккуратно нарезать мясо, тщательно соблюдая ее предпочтения. Пусть кусочки будут средних размеров; люди часто думают, что пациенткам приятнее есть мелкие кусочки, но на самом деле из-за них пациентка устает и теряет аппетит задолго до того, как съест всё, что полагается. Сиделка ни в коем случае не должна касаться руками еды пациентки и обязана их тщательно мыть, прежде чем приступать к кормлению; ни в

коем случае нельзя дуть на горячее.

Пища

Помогая пациентке есть или пить, сиделка должна поддерживать ее голову рукой и аккуратно, но под достаточным углом наклонять чашку или стакан. При сильной жажде ужасно изводит, если вынуждают пить воду маленькими глотками.

Говяжий бульон можно загустить, добавив для более приятной консистенции достаточное количество муки тапиоки Гроулта[21]; тапиоку стоит помешивать, пока суп закипает. Аррорут[22] тоже подойдет, для очищения кишечника он даже лучше. Макароны, сваренные в подливке, очень питательны, их можно употреблять вместе с мясом, если овощи есть нельзя или не хочется. Макароны нужно хорошенько помешивать во время приготовления в подливке, иначе они не станут мягкими, даже если варились немало

---

[21] Примечания: 21

Речь идет о фирме Groult, которую в 1830 году основал Томас Гроулт. Он продавал муку, крахмал, а также привозил муку тапиоки, крупу саго и крахмал аррорут.

[22] Примечания: 22

Аррорут — крахмальная мука из корневищ и клубней тропических растений.

времени.

Когда пациентка насытилась овощами, их следует тут же вынести из комнаты, так как запах у них отнюдь не из приятных.

При тошноте холодная еда кажется более удобоваримой, чем горячая; холодные кнели или остывшее куриное мясо, сваренное или пожаренное, с густым белым соусом или студнем годятся в пищу, тогда как любые горячие блюда вызывают отвращение. Если больную мучает сильная тошнота, можно давать ей маленькие порции концентрированного экстракта из говядины от Brand[23] или крепкого студня, чередуя их с кусочками льда. Молочная сыворотка при недуге тоже весьма полезна, так как в отличие от других продуктов удерживается в организме. Пусть выглядит она неаппетитно, зато не вызывает тошноту у тяжелобольных, к тому же насыщает их.

При заболеваниях мочевого пузыря пациенткам часто прописывают молочную диету.

Сиделке следует переговорить с молочником и донести до него, насколько важно, чтобы он

---

[23] Примечания: 23

Компания Brand&Co изготовляла пищу, пригодную для больных: концентрированные экстракты говядины и курицы, мясной сок, мясную пастилу и т. п.

приносил всегда свежее вкусное молоко от одной коровы. Также необходимо выливать принесенное молоко в плоскую форму, которую обычно используют в молочной для отстаивания сливок; ее нужно ставить в прохладное место и всякий раз, когда она пустеет, как следует обдавать кипятком.

Сестра должна тщательно снимать сливки с молока, так как в подобных случаях пациентке они противопоказаны. Стакан молока нужно ставить в теплую воду, прежде чем давать больной, тогда оно нагреется, словно парное. Лактотерапия широко практикуется и высоко ценится, тем не менее сиделке нельзя забывать, что молочная диета не согревает, а пациентку следует держать в тепле и с особым вниманием следить, чтобы она не замерзла. Сама болезнь способствует ознобу, а скудная диета просто обязывает укрывать пациентку тепло и поддерживать в комнате одинаковую температуру.

Лечебные средства

Надувные и водяные подушки очень пригождаются тем, кто долго не встает с постели. Водяные подушки удобнее и полезнее надувных, однако прохладнее. На те и другие обязательно надо натягивать фланелевые или льняные наволочки. Водяную подушку следует наполнить теплой водой, не горячей, а именно теплой; иначе она будет ужасно холодить. Это касается и водяного матраса. Воду внутри необходимо менять каждые три недели; нужно следить, чтобы матрас и подушки были достаточно наполнены воздухом и водой. Их легко подспустить, даже когда больная на них лежит, но не наполнить, и только пациентка может сказать, какая плотность ей комфортна.

Сиделки постоянно ставят клизмы, но порой приносят столько мучений страдалицам, что я опишу эту простую процедуру, будто она никому не известна. Сиделке надо смешать воду нужной температуры с мылом, маслом, аррорутом или другим имеющимся веществом, затем заполнить клизму и опорожнить ее пару раз; потом необходимо оставить трубку и зонд под водой, а рукой выжать из клизмы все пузырьки воздуха. После

этого нужно перестать давить на клизму, чтобы она постепенно наполнилась водой, пощупать грушу с целью убедиться, что та наполнена, а обе трубки и зонд всё еще держать под водой. Смазав трубку и поместив ее куда надо, сиделка должна медленно сжимать клизму, держа другой конец трубки под водой, так что по мере опустошения клизма будет заново наполняться. В таком случае пациентке не грозят побочные эффекты.

Если больная страдает после перенапряжения мышц, то стоит приложить горячие фланелевые компрессы, они снимут боль. Поначалу они должны быть не очень горячими, так как кожа в этом месте крайне нежна, но постепенно сиделка может нагревать их всё сильнее.

Когда кто-то болеет, независимо от времени года, сиделке должен быть обеспечен доступ к огню. Горячая вода, горячие фланелевые компрессы и припарки могут внезапно потребоваться при любой хвори, и чем быстрее их пустят в ход, тем сильнее будет облегчение. Невыносимая головная боль часто ослабевает, а то и вовсе проходит, если поместить руки и ноги в весьма горячую воду. Протирание головы чуть ли не кипятком приносит неимоверное облегчение; горчичник на загривке спасает при сильной и изматываю-

щей головной боли. Когда пациентка изнурена и взбудоражена, стоит протереть горячей водой ей спину, руки и ноги, как она сразу ощутит умиротворение. Таким образом можно даже погрузить пациентку в сон, и сиделке следует продолжать протирать ее, пока она дремлет, не прерывая монотонные движения; однако в таком случае пусть кто-то будет на подхвате, чтобы вновь подогреть воду. Если пациентка жалуется на внезапную резкую боль в спине или в боку, сиделка обязана сразу же приложить припарки или горячие компрессы, не дожидаясь прихода врача. Такая боль зачастую свидетельствует о внутреннем воспалении, поэтому горячие припарки надо применять без промедлений.

Вода, в которой замачиваются фланелевые компрессы, должна быть такой горячей, что руки в нее не опустить; поэтому сиделке всегда надо иметь под рукой две палочки длиной 14–18 дюймов и несколько кусков фланели с подшитыми краями, в которые легко вдеваются эти палочки. Сиделка, держа палочки, погружает фланель в воду, а после того, как та полностью намокла, выжимает ее, скручивая в обе стороны вокруг палочки, пока ткань не становится достаточно сухой для прикладывания, и тогда палочки нуж-

но быстро вынуть. В таком случае фланелевые салфетки будут очень горячими, тщательно выжатыми, а сиделка не обожжется.

Льняные припарки обычно слишком жесткие и сухие, поэтому быстро остывают и тяжелеют. Сиделке должна поставить таз у огня, высыпать в него измельченное льняное семя, залить кипятком и начать помешивать деревянной ложкой, пока оно не станет нежным, словно сливки. Пусть под рукой будет кусочек муслина (лучше не нового), в него следует переложить разбухшее льняное семя и загнуть ткань по краям. Затем следует всё это покрыть фланелью, а иногда сверху кладут вощеный шелк, но это утяжеляет припарку. После снятия припарки сиделка должна протереть эту часть тела пациентки теплым полотенцем, точнее даже — промокнуть, а потом приложить медицинскую вату туда, где лежала припарка.

Так называемая медицинская вата при ревматизме незаменима; ее всегда следует подогревать у огня перед использованием. От нагревания она увеличивается в два раза; поэтому следует соблюдать осторожность и не подносить ее слишком близко к огню, иначе она в один миг вспыхнет. Лучший способ подогреть жидкую мазь — поме-

стить бутылку в горячую воду. Когда жидкость нагревается, пробка постепенно поднимается наверх и бутылка может опрокинуться, а если она стоит слишком близко к огню, то содержимое загорится и это всерьез встревожит пациентку, несмотря на то что пламя быстро погаснет. Обычно в горячей воде от бутылки отклеивается этикетка; чтобы не путать средства, следует обвязать горлышки нитками разных цветов. При остром ревматизме помогает вата, сбрызнутая лауданумом[24].

Горячие отруби и мешочки с солью приносят большое облегчение. Мешочки следует шить из фланели по форме той части тела, которую они покрывают. Не стоит забивать мешочек слишком туго. Если внутри соль, можно подогреть ее в кухонной печи, так как она удерживает тепло. Если же в нем отруби, их следует подогреть в сковородке на огне в соседней комнате, так как охлаждаются они очень быстро. Сиделке следует помешивать отруби, пока те греются, и затем аккуратно высыпать их в мешочек, следя, чтобы ни одна искра на них не попала. Это надо осуществить с предельной осторожностью, ведь

---

[24] Примечания: 24

Лауданум — настойка, в составе которой есть опиум.

крохотную искру легко не заметить, кроме того, допустимо оставлять лишь пар, но никакого дыма. В ином случае пациентка спустя время почувствует, что припарка становится всё горячее и горячее, а потом заметит, что ее одежда уже дымится и тлеет. При ревматизме суставов пораженные участки надо покрыть ватой, а ее — вощеным шелком. Вату необходимо постоянно менять, так как она быстро намокает от холодного пота. При ревматизме кожа часто раздражена, даже если не видно сыпи или покраснений. Борная кислота, разбавленная в воде, часто успокаивает кожу, тогда как мази и мыло не дают результата. Большинство болезней так или иначе влияют на мочу пациентки; поэтому у сестры должен быть чистый закрытый сосуд, чтобы ее хранить и показывать врачу.

При необходимости наложить повязку сестра должна аккуратно промокнуть лишь концы пластыря. Если же беспечно намочить его целиком, как это часто и бывает, то лучше его выбросить, так как он принесет больше вреда, чем пользы. Следует тщательно проследить, чтобы вата или любой другой материал, прилегающий к воспаленному месту, хорошо защищал его от пластыря. Его надо прижимать мягко, но плотно, так как

кожа вокруг воспаления крайне чувствительна. Если она начнет саднить, необходимо промыть ее смесью бренди с водой, так она станет тверже; всегда следует вытирать ее особенно тщательно. Если это место всё еще болит и образовывается нечто вроде пролежня, огромное облегчение может принести небольшая подушечка. Пусть это будет простой валик из шерсти, обтянутый льном или шелком, а ткань сшита по краям так, что вся подушечка напоминает гигантский пластырь от мозолей. Выемка должна быть сделана по размеру пролежня, чтобы только здоровая кожа касалась валика. Закрепить его на теле нужно пластырями крест-накрест, причем концы их следует нагреть, так они лучше пристанут к коже. Такие валики незаменимы при гнойниках.

Бинты необходимо делать из плотно скрученного материала. Можно использовать обычные полотенца, если они надлежащей гладкости. Их необходимо туго, без складок, скатать и заколоть булавками, так они будут уже готовы, когда понадобятся. Сиделке следует держать рулон льняной ткани левой рукой, а правой — разматывать ее за конец, сохраняя натяжение. Широкий бинт нужно заколоть безопасными булавками (лучше всего — американскими); маленькую повязку

можно обмотать вокруг и поперек конечности, хорошенько ее перевязав, а затем — сметать концы.

Помощнице нельзя забывать, что при раке на поздней стадии кости становятся совсем хрупкими. Перемещать страдалиц надо с особой бережностью. У них может случиться перелом даже при самом заботливом уходе; когда недуг всецело захватывает тело, боль от перелома уже не так ощутима, но неудобства и дискомфорт усугубляют страдания, а ведь жизнь и так уже полна мучений.

Перемещая страдалицу, сиделка должна внимательно следить за тем, чтобы не смять руками ее ночную рубашку. Крошечная складка ткани кажется совершенно безобидной; но, если взглянуть на спину больной после того, как сестра прижала к ней такую складку, там обнаружится покраснение и след. Нельзя недооценивать нежность кожи при недуге и ее особую чувствительность в некоторых случаях.

Нервы

Когда пациентка испытывает сильное нервное возбуждение, ее можно успокоить, взяв за руку и тихо заговорив без явной цели или усилий, но и не забывая своей задачи, а если умиротворение не наступает, стоит постепенно умолкнуть.

Люди с расшатанными нервами часто резко просыпаются с чувством, будто их кто-то сильно ударил. Они долго приходят в себя, а подобные болезненные пробуждения повторяются. В таком случае хорошее средство, если нет противопоказаний, — чашка для завтрака[25] с молоком и чайной ложкой бренди перед сном. Если пациентка будет принимать это средство несколько вечеров подряд, с большой вероятностью нервозные пробуждения прекратятся.

Другая тягостная форма нервного расстройства — судорожные подергивания, которые возникают у бодрствующих пациенток с нервным истощением и вызывают дрожь и ужас. Сиделка может снизить напряжение больной, слегка

[25] Примечания: 25

Чашка для завтрака — единица измерения в Великобритании, равная восьми жидким унциям или 230 миллилитрам.

потерев ее руки и ноги. Движения должны быть уверенными и неторопливыми. Никакой суеты. Пациентке нужно знать, где и когда она почувствует прикосновение руки; не должно быть рывков туда-сюда, следует медленно и плавно водить кистью вверх и вниз. Подобные поглаживания — настоящее искусство, и нередки случаи, когда профессиональная массажистка приносила облегчение, тогда как другие средства были бессильны; все сиделки обязаны уметь массировать, двигать руками бережно и нежно, умело обращаясь с пациенткой. Неспешные касания чутких рук могут устранить острую головную боль при невралгии.

Жизнь в комнате больной должна зиждиться на тишине и покое, и это особенно необходимо при вспышках истерии.

Даже самой благонамеренной сиделке нелегко сохранять полное спокойствие рядом с истерической пациенткой, так что зачастую приходится прибегать к чрезмерной серьезности или натянутой веселости, но и то и другое лишь усиливает приступ. Нельзя заговаривать с пациенткой во время истерики, равно как и смотреть на нее. Достаточно дать нюхательной соли и холодной воды, причем как можно спокойнее и непринуж-

деннее. Говорить следует как можно меньше, и пусть это будут самые обыденные слова. Шутки и упреки в таких обстоятельствах неуместны.

Если сиделка чувствует, что вот-вот потеряет самообладание, она должна немедленно покинуть комнату. Небольшая передышка и нюхательная соль успокоят нервы; если же дать слабину, то приступ пациентки затянется; а так как в подобном случае мало что помогает, сестре не стоит спешить возвращаться в комнату. Это особенно относится к начинающим сиделкам; опытные уже не так подвержены такому воздействию.

Сиделке следует быть бдительной, если у пациентки болит горло, особенно при симптомах дифтерии. Доктор, скорее всего, смажет горло больной парой капель хлорида железа, разбавленного водой; но сестре не стоит ждать визита врача; необходимо осматривать горло пациентки ежечасно и при малейшем признаке формирования рокового белого налета надо незамедлительно убрать его щеточкой для горла. После этого щеточку необходимо тщательнейшим образом промыть. Налет, счищенный с горла, налипает на ворс, и его нужно полностью удалить еще до промывания щетки. Надо постоянно давать пациентке кусочки льда; в таком случае лед действует

как тонизирующее средство, и это становится спасением для страдалицы, горло которой в таком состоянии крайне болезненно.

При сильной рвоте лед опять же чрезвычайно благотворен, и всю еду следует охлаждать. Кубик льда на затылке снимает мучительное напряжение, вызванное тошнотой. Когда пациентка чувствует позывы к рвоте, сиделка может их остановить, дав той промыть рот смесью ледяной воды с озонированной.

При тошноте усиливается жажда, а так как любое питье провоцирует тошноту, сиделка должна смачивать губы и язык пациентки лимонным соком, разбавленным водой. Пациентке, которая мучится от тошноты, не стоит видеть или нюхать еду, и все платки и полотенца должны быть чистыми. Даже когда приступ тошноты прошел, он может снова случиться от вида или запаха чего-то.

Заключение

Если пациентка умирает, сиделке следует учитывать, что, хоть в ее помощи могут всё еще нуждаться, ей не следует находиться у смертного одра, если только ее не попросят остаться. Надо быть как можно меньше заметной. Если сиделка во всех отношениях правильно выполнила работу, все к ней будут обращаться за советом; но стоит вести себя очень тихо и воздерживаться от любых замечаний или предложений. Сиделке ни в коем случае нельзя пытаться закрыть глаза умершей или подвязать ей подбородок, пока не станет очевидно, что сами родственники не желают это делать.

Если же на нее ложатся эти последние обязанности, она должна выполнить их как можно тише и незаметнее.

Эти замечания могут показаться неуместными, но, судя по моему опыту, приходится напоминать не только сведущей, но и начинающей сиделке, что в присутствии смерти нет места суете.

Люди, которые заботились о больной и сострадали ей, поначалу испытывают облегчение от

того, что теперь она покоится с миром, но это чувство рассеивается, когда они видят кошмарное нелепое одеяние, в которое обычно облекают скончавшихся. Если бы вместо отороченной белой ленты из льна на голову повязывали мягкий шелковый платок, если бы покойную одевали в теплый разноцветный халат, который она носила при жизни, то последние часы не оставляли бы такого тягостного впечатления.

Перво-наперво следует покойницу аккуратно умыть и одеть в чистую белую одежду, затем положить ее голову в шелковом платке на низкую, но не плоскую подушечку; каким бы ни было покрывало, им надо укрыть тело, а потом следует позвать родственников, если они до того удалились; они, конечно, уже не увидят ту, кого любили, но и не будут шокированы ужасным зрелищем, которое способно еще долго преследовать и омрачать самые драгоценные воспоминания.

Послесловие переводчицы

«Держи спину прямо, моя козочка», — так звучало последнее напутствие Джулии Стивен своей дочери Джинни, Вирджинии, пока еще не Вулф. Той было всего тринадцать лет, когда ее мать скончалась от сердечной недостаточности на фоне ревматической лихорадки.

Болезнь и разлучила их, и связала. «Искусству быть больным нелегко обучиться, но многие величайшие страдальцы отточили его до совершенства», — писала Джулия Стивен в «Записках из комнат больных». «Быть больным» — так коротко озаглавила свое эссе Вирджиния Вулф. Оба текста впервые публикуются на русском языке.

Объединение записок Стивен и эссе Вулф под одной обложкой дает возможность увидеть болезнь с разных сторон — снаружи, с позиции сиделки, и изнутри, из воспаленного воображения. Мать глядит на пациента сверху вниз как на случай болезни и ищет способы облегчить страдания. Дочь же приняла горизонтальное положение, и в этой больничной комнате ее интересует не кто-то другой, а она сама, то болез-

ненное состояние бытия, в котором открываются возможности для мысли и воображения.

Помимо этого, возникает диалог двух женщин, двух поколений, в котором младшая, Вулф, и спорит с матерью, и вторит ей спустя почти полвека, Первую мировую войну и пандемию гриппа. Голоса их обнаруживают и недосказанность, фигуру умолчания, открытую уже нашим интерпретациям.

Джулия Стивен (1846–1895), урожденная Джексон, выросла в семье врача, служившего в Британской Индии. Ухаживать за больными она начала после внезапной смерти своего первого мужа Герберта Дакворта. Став вдовой в двадцать четыре года, она от этого так и не оправилась. Поначалу подолгу лежала на могиле мужа. Затем, утратив веру в Бога, засучила рукава и стала сама заботиться о болящих.

Мать Вирджинии Вулф оказалась образцовой последовательницей Флоренс Найтингейл — сестры милосердия, которая первой в Великобритании показала, как важно чутко и внимательно заботиться о раненых и тяжелобольных, тем самым расширив понимание гуманизма. Найтингейл в 1859 году выпустила руководство «Записки об уходе», где писала о

нюансах: как проветривать комнату, отваживать назойливых посетителей, заботиться о разнообразии впечатлений больного, учитывать его особенности, а не воспринимать как «среднего человека». Одна из глав так и называется — «Обо всём нужно думать». Джулия Стивен, следуя ее примеру, в 1883 году опубликовала собственный сборник практических советов «Записки из комнат больных». Она тоже много пишет о гигиене и питании, а также делает акцент на деталях, ведь «в болезни не бывает пустяков». Она рассказывает, как вытряхивать крошки из постели, как гасить свечу, чтобы не оставалось едкого дыма, и, наконец, во что следует облачить покойницу. Хотя значительная часть медицинских рекомендаций сильно устарела, ее руководство остается любопытным документом о культуре повседневности.

В воспоминаниях Вирджинии Вулф (1882–1941) ее мать — центр семьи и дома, всегда в окружении детей, собак, гостей, всех привечающая, ко всем проявляющая сочувствие. При этом она совершенно неуловимая, недосягаемая, потому что постоянно уходит к больным и проводит время в их комнатах. Лишь только если кто-то из ее семерых детей заболевал, Джулия оставалась

с этим ребенком наедине, дежурила у постели. Ванесса Белл, старшая сестра Вирджинии, признавалась, что по этой причине дети в их семье любили болеть, а когда всех настиг коклюш, Вирджиния дольше всех не выздоравливала: она «резко проникла в некий иной слой сознания, где ей вдруг открылись вопросы и возможности, которые прежде были скрыты».

Творчество Вирджинии Вулф вышло из «мира болезни, из комнаты больной», как, подчеркивая, что многочисленные недуги сформировали ее восприятие реальности, пишет исследовательница Джанин Утелл. Судя по дневникам Вулф, она слишком часто «была больной» физически или душевно. Попытки суицида могут свидетельствовать о биполярном аффективном расстройстве. Кроме того, она часто мучилась от лихорадок, мигрени, бессонницы, целые месяцы проводила в постели и само эссе «Быть больным» (1926) написала лежа.

В нем она представляет болезнь как шанс выйти из замкнутого круга неосознанно повторяемых действий, так как больше нет сил «поддерживать радушный обман» и не нужно «стараться вновь и вновь — общаться, просвещать, делиться, возделывать пустыню, воспитывать

туземцев, работать вместе днем и веселиться ночью». Реальность перестает быть статичной и неизменной данностью. Условности отпадают, и можно воспринять всё вокруг будто в первый раз — и небо, и цветы, и Шекспира. Это то самое остранение, о котором писал Виктор Шкловский, необходимое для включенности в жизнь, иначе «автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны».

В первую очередь остранению подвергается сам язык. С одной стороны, Вулф предлагает воспринимать его по-новому, отринув «поверхностный смысл», позволив себе ощутить слова «чувственно, через нёбо и ноздри, словно некий причудливый запах». С другой стороны, она настаивает, что для разговора о болезни и теле требуется изобрести «новый язык — более примитивный, более чувственный, более бесстыдный». Это язык, в котором содержатся не одни лишь «мужские выражения», как сетует она в «Своей комнате». На развитии такого языка спустя полвека будет настаивать французская писательница Элен Сиксу в эссе «Хохот Медузы», ставшем впоследствии феминистской классикой. Она утверждает, что «женское письмо будет доступно лишь тем, кто разрушает автоматизм»,

а сам выход за установленные рамки возможен только при телесной коммуникации с миром, при подчинении языка всем органам чувств, при попытке передать прикосновения, запах, цвет, звук.

Чувственность в эссе Вулф выражается на разных уровнях, формируя особый стиль. Писательница играет с синтаксисом и тем самым с темпом дыхания читателя, заставляя его местами заикаться или сбиваться с ритма, характерного для его языка. Синтаксис также помогает расслышать интонацию писательницы, живую потоковую речь. Вулф использует звукопись, иногда предпочитая именно звучание слова его содержанию и этим звуком охватывая колеблющееся значение слова, которое не поддается называнию — только ощущению. Она также насыщает текст разными оттенками цвета. Да и само эссе по композиции скорее походит на одно сильное впечатление, чем на логически выстроенное рассуждение от а до я, как, например, ее же «Своя комната» или «Три гинеи». Читателю нужно тоже стать «больным», иррациональным, «более чувственным» и «более бесстыдным», чтобы этот текст воспринять.

Позволить себе так писать — значит мани-

фестировать право быть художницей, заново творить мир, текст, язык. Спустя пять лет после первой публикации этого эссе, в 1931 году, Вирджиния Вулф выступала в Лондонском обществе помощи женщинам и призналась, что не смогла бы стать писательницей, если бы не убила в себе идеал самоотверженного домашнего ангела — женщину, которая «каждый божий день приносит себя в жертву. Если к столу подают курицу, она берет себе ножку; если в комнате дует, садится на сквозняке. Словом, устроена она так, что вообще не имеет собственных мнений и желаний, а только сочувствует желаниям и мнениям других. <..> Не убей ее я, она убила бы меня. Вырвала бы сердце из моей работы». В этом описании проглядывают черты ее матери — хозяйки дома, сиделки, которая заботится обо всех, но ее внутренний мир остается сокрыт. Образ матери действительно довлел над Вулф, в «Моментах бытия» она рассказывает, что постоянно с ней сверялась: «Я слышала ее голос, видела ее, представляла, что она бы сделала или сказала, пока я занимаюсь обычными делами». От этого наваждения Вулф освободилась только к сорока пяти годам, когда воссоздала мать в образе миссис Рэмзи, отделив от себя, заключив в роман

«На маяк».

Велик соблазн увидеть в текстах Джулии Стивен и Вирджинии Вулф противостояние женщин разных эпох, пропасть между идеальной поздневикторианской хозяйкой и модернистской писательницей XX века. Однако Джулия Стивен не вполне соответствовала каноническому викторианскому образу. Да, она выступала против суфражисток и даже подписала воззвание против предоставления женщинам избирательного права, так как, по воспоминаниям Вулф, считала, что женщинам стоит хлопотать о доме, а не о выборах. Тем не менее круг ее забот не ограничивался хозяйством, она постоянно уходила из дома, ускользала от семьи. Казалось бы, сестринское дело — исполнение роли домашнего ангела на чуть большей сцене. Но для Стивен это было не бескорыстное служение, а область, в которой она стремилась к профессионализму, так как желала выполнять работу на совесть и делиться навыками с другими. Еще она находила время писать. Пусть это были общепринятые «женские» жанры — истории для детей, несколько ответов на статьи, записки об уходе за больными, — тексты позволили ей проявить фантазию, тонкое чувство юмора и собственные ценности,

позволили выразить себя. Она была женщиной, которая пишет.

Джулия Стивен — родительница Вирджинии Вулф именно как писательницы. Стивен проделала два шага вперед от молчаливого домашнего ангела, так как серьезно относилась к своему ремеслу и писала. Этим она скорее напоминает леди Уотерфорд из романа Августуса Гера «Истории двух благородных жизней», о которой Вирджиния Вулф почему-то пишет в конце эссе «Быть больным». Та тоже вроде бы ангел — верная жена, хозяйка, которая сидит дома и ждет мужа с охоты, но, кроме того, она рисует. Много, вдохновенно, не претендуя на звание художницы, называя себя «всего-навсего рисовальщицей». У этой женщины есть не только дом, семья, но и дар, и она его пока осторожно раскрывает. Точно так же у Джулии был дар сиделки и, быть может, даже писательницы. Дочери оставалось лишь сделать третий шаг — отдаться агонии искусства, не растеряв достижений матери, сохраняя требовательность к себе, стремясь к профессионализму.

Отношения матери и дочери говорят и о разрыве, и о преемственности. Как знать, может, без таких Джулий не было бы и таких Вирджиний. Одно можно сказать точно: Вулф на своем творче-

ском пути и в самом деле держала спину прямо.

Дина Батий

Список литературы

Вулф В. Женские профессии [1931] / пер. И. Бернштейн // В. Вулф. Избранное. М: Художественная литература, 1989.

Найтингейл Ф. Записки об уходе [1905] / пер. В. Вольфсон // М.: Русский врач, 2003.

Сиксу Э. Хохот медузы [1975] / ред. И. Жеребкина // И. А. Жеребкина. Введение в гендерные исследования. В 2 т. Т. 2. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

Шкловский В. Б. Искусство как прием [1917] // В. Б. Шкловский. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983.

Bell
V. Notes on Virginia's Childhood / ed. R. J. Schaubeck / / V. Bell. Notes on Virginia's Childhood. New York: Frank Hallman, 1974.

Lee H. Introduction to On Being Ill [2002] // V. Woolf. On being ill. J. Stephen. Notes from sickrooms. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2012.

Utell J. View from the Sickroom: Virginia Woolf, Dorothy Wordsworth, and Writing Women's Lives

of Illness [2014] // Life Writing. 2016. V. 13. №. 1. P. 27–45.

Woolf V. Moments of being [1972] / ed. J. Schulkind // V. Woolf. Moment of being. Unpublished autobiographical writings. New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976.

Woolf V. On being ill [1926] // V. Woolf. On being ill. J. Stephen. Notes from sickrooms. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2012.